Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2003
Номер выпуска: 18
Заглавие: Играла музыка в саду
Автор: М. Танич

(из воспоминаний)

С чего-то они начинаются, воспоминания! А вот с чего.

Балансирую на канате,
Надо мной - дырявенький зонт,
Я, как солнышко на закате,
Скоро скроюсь за горизонт.
Мне все чаще бывает плохо,
В сердце - острый блеск ножевой!
Но тебе обещаю,
Что буду живой
До последнего вздоха.

Вот такое оптимистическое размышление!

Город Таганрог, малая моя родина, - город художественный. Заложенный Петром Первым во время Азовского похода, строго по плану, наподобие маленького Санкт-Петербурга, а не как сивка-бурка вывезет - он еще помнил, перед тем как мне появиться на свет, шагавших по тротуарам белогвардейцев. По Елизаветинской, по Екатерининской. Простые, как династии, названия! Николаевская совсем не то, что улица Фрунзе. А потом - красноармейцев, эти, мне кажется, шагали строем по мостовой. И пахло махоркой.

Улицы одним, а переулки обоими своими концами спускались к морю, полному рыбы, парусов и больших пароходов. Впрочем, как говорится, и деревья были большими.

***

Как в детской игрушке, жизнь рассыпается на разноцветные осколки, а потом волшебно собирается в некие причудливые узоры, имеющие не более чем геометрический смысл.

Узор первый - город Таганрог, конец двадцатых годов, первая пятилетка!

Уже на школьных тетрадках - перлы социалистической поэзии: «Пять в четыре, а не в пять!» - первые призывы к будущей тотальной туфте.

Это я потом пойму про туфту, а пока город Таганрог полон дореволюционных призраков: всего-то десяток лет тому назад на углу Петровской, а теперь, конечно, Ленинской, и бывшего Итальянского переулка стоял городовой.

Да что там городовой - дух живого Антона Павловича Чехова бродит по тем же камням, от библиотеки до драматического театра! И в цирке, старом цирке, выступают настоящие клоуны Бим-Бом.

И нэповский кефир грека Варваци (фамилия изменена не в интересах следствия, а по причине отсутствия памяти) напоминает скорее шампанское, чем нынешнее слабительное с тем же названием.

И такого удивительного вкуса, пропахшего навсегда, греческая халва и вафли у маркитанток на каждом углу!..

А бронзовый император Петр, основатель нашего города, работы скульптора Антокольского, стыдливо упрятан с глаз долой на лестничный пролет городского музея. (А

куда еще? Император же!).

Но в садах благоухает царская персидская сирень, и мальчишки, как и во все времена, предпочитают своим соседские яблоки.

***

Таганрог, Таганрог, вечный город вечного детства! По твоим улицам вот уже шестьдесят лет я не ходил, не судьба. Но ты всегда жил и живешь во мне цветением своих сиреней и абрикосов (жердели - называлось это на местном жаргоне), ночными голосами пароходов у причальной стенки, выщербленными ступенями Каменной лестницы. Это - с той стороны моря, а с нашей - высоким обрывом с домиком Дурова и пляжем. И живописной стайкой американских людей, мужчин и женщин, в разноцветных шерстяных трусах, купальниках на пляже. Бутылки и баночки с кремами и жидкостями для загара и от загара.

Пляж! Прервусь, чтобы вспомнить, сколько чудес произошло на твоем золотом песке. Это ныряние с мостика в неглубокую воду Азовского моря. Это первая девочка, увиденная как девочка, в мокром облегающем купальнике, - заметил, где другая!

Громкая чужая речь, английская, а может, и еврейская - не узнать, если ни о той, ни о другой не имеешь понятия. Те самые люди с афиши «Вайнтрауб Синкопейторс», Ю Эс Эй, залетевший неизвестно как в нашу глубинку американский джаз-оркестр! Может быть, и шпионы, но дело сделано - семена этой заразы посеяны, и вот я уже играю на тяжелой дверной щеколде (от воров, с черного входа!) ритмическую партию в нашем дворовом джазе под руководством моего закадычного кореша Вити Агарского (будущий Витек из песни, которая появится через каких-то шестьдесят лет).

Правда, к тому времени я уже выходил на сцену таганрогского уютного драмтеатра и, как потом хвастал кому-то, повязывал пионерский галстук на шею приехавшим на чеховский юбилей актерам МХАТа (самому Москвину). Нет, не повязывал, но да, выходил с пионерами на сцену. В этой группе поддержки официальных казенных мероприятий (съезды и всякие конференции), для оживляжа.

***

Дед по отцу был набожным евреем-ортодоксом, по молодости то ли учитель, то ли раввин, не знаю, а может быть, даже и писатель, но я застал его, человека девятнадцатого века, уже на излете его старости. Он постоянно молился, развесив до полу свои молитвенные причиндалы, и смущал мое пионерское сознание гравюрами работы некоего Гюстава Доре из роскошного издания Ветхого Завета. Даже семейная легенда о том, что дедушка близко знал самого Шолом-Алейхема и что будто бы именно у него во время погромов в Одессе сгорела доверенная на хранение библиотека уехавшего в Штаты писателя, даже эта красивая легенда не могла поднять в моих глазах авторитет этого человека, который верит в Бога, прости, Господи, меня нынешнего.

Совсем другое - отец! Наверное, он тоже был евреем, но главное - был футболистом, не верил ни в какого Бога, гонялся на тачанках с пулеметами за батькой Махно по мелитопольской степи и когда влюбился в мою мать, уже замещал в свои девятнадцать лет начальника мариупольской ЧК!

А влюбился он в мою мать, вчерашнюю гимназистку, когда она принесла передачу арестованному неизвестно за что другому моему деду, Траскунову (за какие-то прокламации, оставленные в его буржуазном доме черт-те кем - опять же семейное предание!). Надо ли говорить, что во имя революционной целесообразности Траскунов Борис, 1868 года рождения, главный бухгалтер Мариупольских металлургических заводов, был освобожден из-под ареста. Что, видимо, давало основания рассчитывать на ответные шаги семьи этого недобитого буржуа.

Дедушка Траскунов распорядился не пускать под свой балкон этого юного красавца,

чекиста итальянской внешности с гитарой. Нет, дедушка ничего не имел против евреев (сам - из выкрестов), но не желал брататься с чекистами!

И мой влюбленный молодой папа, выпускник Одесского реального училища, сдал ЧК! Вы отдаете мне дочку, а я подаю заявление в Ленинградский институт коммунального хозяйства, лады? Так через два года, в результате большого компромисса между принципиальным бухгалтером Траскуновым и грозной мариупольской ЧК, я появился на свет.

У меня не было и нет простого и ясного ответа на вопрос: почему так давно и так повсеместно ненавидят или, чтобы помягче, недолюбливают евреев? Мы, да, не лучше, но ведь и не хуже других! Я не мог ответить на этот вопрос своим русским дочерям, тоже, хотя и косвенно, несущим этот крест, но еще раньше я не мог ответить себе! И вот, когда солдатик помыл сапоги в далекой речке Эльбе, а потом отдал долг начальнику на лесоповале, будучи зэком Танхилевичем Михаилом Исаевичем, статья 58, пункт 10,6 лет ни за что, газеты вдруг ни с того ни с сего захотели печатать его стихи, а он вдруг призадумался: не поднимутся ли вихри враждебные по поводу этого имени, и не лучше ли было звучать ему, пусть и не так уж продуманно, а хотя бы покороче, например, Михаил Танич? А?

***

То, что потом стало называться точным словом -«совок», готовилось в школе. И о ней, об этой школе, написаны десятки великолепных книг. И все же эти десятки книг - не о моей школе. О моей школе должен я писать, а не читать. Само понятие - школа, видимо, что-то живое и быстро меняющееся. Во время моего учения, перед войной, было много мелких революций: девочек разлучали с мальчиками, вводили не прививающуюся форму, учили мальчишек военному делу.

Годы в школе вообще, оглядываясь с высоты своего возраста назад, - это не самые лучшие годы жизни человека! Постижение необходимых истин (вроде той же таблицы умножения: ну почему семью восемь - пятьдесят шесть?) отнимает столько времени, которое - все! - должно быть посвящено игре в футбол!

Лично же мои школьные неприятности начались с исключения из школы. Надо мной с малолетства висел какой-то политический рок. Вскоре я просто стану сыном врага народа, а пока на дворе стоит 1932 год, и еще неизвестно, кто станет врагом народа - Сталин или Бухарин. Зима, и я приезжаю в школу на коньках. Коньки надевались и снимались с ботинок так: каблук был с дыркой, на ней металлическая пластинка - сюда продевалась пятка конька, а спереди коньки привертывались лапками. И поскольку ботинок диссидента имел несколько уже лапок, надо было подкладывать свернутую бумажку - ну чуть-чуть всего-то и не хватало, каких-то полсантиметра.

А поскольку сидел этот лирический герой книжки обо мне на последней парте среднего ряда, то именно прямо над ним висел портрет товарища Сталина, малоуважительно приколотый двумя кнопками к стене. Малоуважительно потому, что еще не было за что его серьезно уважать - он еще никого пока не убил! Тогда был всего один портрет товарища Сталина работы Исаака Бродского. Нет, конечно, мальчик не собирался рвать портрет этого вождя (как модно!), но что за грех - оторвать всего лишь белый уголок, не задевая даже нижнего края суконного френча? Тем более, что в классе никого не было, никто и не узнает! И нашлась уборщица, которая все как бы видела, и на учкоме девятилетнего зареванного парня попросили больше в школу номер восемь не приходить.

Он все-таки отбыл свою десятилетнюю повинность. И получил аттестат зрелости, который - так случилось - ему никогда не понадобился, а вскорости и свои несколько метров обмоток.

Русский язык и литературу преподавал у нас Александр Николаевич Баландин, добродушный, округлый такой седой старик, с какой-то, казалось мне, тартареновской бородкой.

Задумайтесь! Меня учил человек, лично знавший Чехова! Он тяжело дышал, то и дело

вставлял в свою речь латинские выражения - ведь еще так недавно в этих классах изучали латынь как предмет.

А когда в программе седьмого класса был не любимый им и боготворимый мною Маяковский, он нарочно поручал мне делать реферат, вздыхая и закатывая свои голубые церковные глаза.

Это уже была школа номер десять - огромное здание из красного дореволюционного кирпича, бывшая женская таганрогская гимназия на Николаевской улице, недавно переименованной в улицу Фрунзе. Как просто было с названиями в царское время. Вот и в Таганроге: Николаевская, Александровская, Петровская, Елизаветинская! Ну откуда в Таганроге улица Розы Люксембург?

А огромное здание из красного дореволюционного кирпича, когда мне теперь, на юбилее, подарили его цветную фотографию, оказалось небольшим двухэтажным домом очень даже незатейливой казенной архитектуры. Нет, нет, впечатления надо консервировать, и тогда окажется, что сказка намного важнее правды.

Вообще все в Таганроге тех лет еще помнило Антона Павловича Чехова. И так естественно, что первые мои литературные опыты были сочинениями в духе Антоши Чехонте, в которых я, надо признать, не преуспел. Но другим авторам Чехонте удавался лучше. И я понял: Чехова из меня не получится, не потяну. А я никогда не позволял себе быть не первым.

Что же касается Пушкина, то дело тут обстояло как будто бы лучше. Стишки сами сочинялись, прямо летели. Даже про Павлика Морозова.

Мне часто ошибочно кажется и теперь, что школа не дала мне ничего. Хотя ясно: тяжесть этих ненужных знаний, пожалуй, перевешивает все, что я узнал после. Мне стыдновато, но истина дороже - я плохо знаю даже историю. Правда, по уважительной причине. Учитель истории Николай Иванович Силин был футбольным болельщиком - и он посещал, когда мог, матчи первенства города Ростова-на-Дону. И я был главным забивалой голов в юношеском «Спартаке».

Осмелился бы такой фанат вызвать меня к доске и спросить что-нибудь, например, о каких-то Рюриковичах.

Скажите, могу ли я похвастать серьезным знанием истории, если очень подозреваю, что и сам Николай Иванович Силин тоже ее не знал? Он был парторгом школы...

Счастливая серия моей детской жизни оборвалась так.

Город Таганрог днем дымил трубами своих нескольких заводов, люди набивались в недавно пущенные моим отцом трамваи первого и второго маршрутов, торопились к дневным своим заботам. А ночью, прильнув к окошкам, ожидали арестов; аресты были повальными, массовыми и трудно объяснимыми, было непонятно, кого и по какому поводу берут.

Весь руководящий Таганрог уже сидел в подвальных камерах городского НКВД. Отец догадывался, что и о нем не забудут, и, как бы прощаясь со мной, подолгу водил меня по городу, который знал до камешка - от Петра Великого до цветовода Комнено-Варваци, у которого город отобрал оранжерею. И рассказывал, рассказывал мне, опасаясь не успеть, об истории города, порта, Чехова, яхт-клуба и чуть ли не каждого заметного дома, от крепости до Собачеевки.

Не успел. Они пришли перед рассветом. И отца увели навсегда. Сначала у нас принимали передачи, и мать получала оттуда какие-то бодрые отцовы записки, но через пару месяцев записочки исчезли, передачи принимать перестали, и нам было сообщено: «Осужден. Десять лет без права переписки. Ясно?». Ответа не требовалось.

Сегодня нездоровится. Зажмут сердце воспоминания - таблеточку под язык, отдышаться и, если сил хватит, возвратиться в свой бесконечный город Таганрог.

Провинция - титулярная советница в табели о рангах российских городов, она жила

своей отдельной от столиц особой жизнью. С неторопливым укладом, извозчиками, всегда запоздалыми событиями и модами, своими сплетнями и героями.

Нет, конечно, и в наш Таганрог вдруг нечаянно заезжал Утесов и пел в уютном (я нигде и никогда больше в мире не видел более уютного летнего театра) садике Сарматова. Ни на что не похожее, это заведение состояло из летнего театра, летнего же ресторана, откуда пахло, казалось, запахами еще дореволюционных диковинных блюд с заморскими названиями типа бефстроганов, и осетрина была не просто первой, а вообще речной свежести, со слезой.

Деревья были большими - эта формула верна лишь отчасти, и все, что казалось в детстве чудовищно вкусным, казалось таким, потому что было действительно вкусным, а мне, потому что было детство. И мы знали также (и даже видели их проездом) о футболистах - братьях Старостиных. Но у нас были свои знаменитые братья Букатины и братья Фисенко.

И пусть у них там Владимир Хенкин - у нас рассказы Зощенко читал артист Галин, и от гомерического хохота в зале описывались дамы и господа. А напротив меня жил знаменитый летчик-испытатель с 31-го авиационного завода, что там ваш Коккинаки! Впрочем, это, кажется, и был именно сам Коккинаки.

Зачем вспоминаются мне все эти ничего не говорящие вам, сегодняшним, имена и фамилии? А затем, что они и есть те самые разноцветные стеклышки, без которых не будет гармонии в моем обещанном калейдоскопе.

Лето 1938 года я прогостил у двоюродного брата в Москве. Он жил на Рождественском бульваре, 13 - дом с колоннами живехонек и теперь, а брат погиб на Отечественной войне.

К началу учебного года меня отправили в Таганрог. На вокзале почему-то встречал меня очень расстроенный ростовский дедушка Траскунов.

- Маму арестовали, - сказал дедушка. - Поедешь жить ко мне в Ростов. Это надо сделать срочно, к началу учебного года.

Нам с дедушкой предстояло ликвидировать все остатки прежнего благополучного отцовского дома, с которыми выселили нас из Исполкомовского переулка чекисты в комнату на окраине. Поселившийся в нашей квартире следователь НКВД оставил себе не все же подряд, с выбором: ну кожаный диван, ну шкаф с зеркалом, ну письменный стол, ковер, не помню, что еще, но и осталось всяких кроватей, этажерок, мясорубок и книг, да кастрюль, чайников и баночек с какао и рисом, лыж и коньков - в грузовик не погрузишь. Да и куда везти-то? Дед жил в ростовской коммуналке. Что делать? Бросить все к черту, той жизни больше нет, и уезжать от горя и слез к дедушке? Нет, нищие люди не понимают всей своей нищеты. Ведь нам думалось, что найдется же кто-то, кому это пригодится, найдется и купит. Деньги не бывают лишними. И нашелся человек, и после долгой торговли (начали с семисот рублей) купил это всё-всё-всё, включая мои детские рисунки, за сто тридцать рублей. Надо ли вам говорить, что этот щедрый человек оказался евреем? Не надо, и я вам этого не говорил.

Итак, мы распродали дом, и поезд помчал меня, сироту четырнадцатилетнего, в город больших домов. Провинция, прощай!

Перепечатано из книги М. Танина «Играла музыка в саду» (М., Вагриус, 2000).